

ВикиЧтение

О чем не сообщил ТАСС [Подлинная история «Трианона»]

Перетрухин Игорь Константинович

<https://military.wikireading.ru/hjc0bMCEHR>

Shevchenko and Strobe Talbot

Глава 1

Когда работа над книгой была близка к завершению, 10 марта 1998 года из США пришло известие о том, что две недели тому назад от сердечного приступа умер самый известный в свое время и столь же значительный перебежчик и один из фаворитов министра иностранных дел А. Громыко Аркадий Шевченко.

Вернуться к этой теме автора побудили периодически появляющиеся в средствах массовой информации заявления некоторых безответственных оппонентов органов государственной безопасности. Эти люди по любому поводу критикуют их работу, включая и такое ее направление, как разоблачение изменников Родины и другого преступного элемента, что относится к их компетенции, и не брезгают различного рода инсинуациями.

Не без возмущения можно было услышать по Центральному телевидению о том, например, что причиной трагической гибели жены Аркадия Шевченко Ленгины и злключений их сына Геннадия, уволенного по понятной причине из системы Министерства иностранных дел, были их травля и другие козни со стороны органов КГБ. Это-де они, известные своей звероватостью кагэбэшники, довели Ленгину Шевченко до самоубийства.

Подобным сентенциям, как говорится, несть числа.

Справедливости ради следует рассказать, как дело обстояло в действительности, и в этой связи привести некоторые мало кому известные факты и подробности того, о чем уже упоминалось.

Аркадий Шевченко, получивший за свое предательство американское гражданство, жил в одиночестве в одном из пригородов Нью-Йорка, и о его смерти долго еще бы никто не узнал, если бы его дочь, обеспокоенная безуспешными попытками дозвониться до отца по телефону, не приехала сама на его квартиру.

Американская пресса практически обошлась лишь довольно кратким упоминанием о случившемся. Не исключено, что это связано с тем, что безнравственное, аморальное поведение Шевченко было широко известно американской общественности и не могло вызвать у нее большого интереса и тем более симпатий к нему.

Значительно большее внимание этому факту уделило наше Центральное телевидение. На экранах телевизоров были показаны кадры кинохроники, где среди ближайшего окружения А. Громыко можно было хорошо рассмотреть Аркадия Шевченко, его фотографии с симпатичной белокурой женой Ленгиной, а также в домашней обстановке с супругами Громыко. Между прочим было упомянуто и о том, что в прошлом кто-то из корреспондентов поинтересовался у министра его мнением о бегстве в США одного из его помощников в ранге Чрезвычайного и Полномочного Посла по фамилии Шевченко. Тот ничтоже сумняшеся ответил, что такового не помнит, так как у него вообще было много разного рода помощников. Министр был, конечно, в своем амплуа! Где уж ему было запомнить какого-то «помощника», да еще в таком ранге!

В этой связи припоминается и такой ставший известным много лет спустя случай.

Во времена карибского кризиса, когда американцам было уже достоверно известно о размещении на Кубе советских ракет среднего радиуса действия, что документально подтверждалось многочисленными фотоснимками ее территории, сделанными с самолетов-разведчиков, президент США Джон Кеннеди в личной беседе с А. Громыко, не ссылаясь на имевшиеся тому подтверждения, прямо спросил его об этом. Министр дал отрицательный ответ. По свидетельству очевидцев, когда Громыко покидал место встречи и беседы с Дж. Кеннеди, тот в присутствии своего ближайшего окружения вполголоса произнес: «Лживая тварь!». Возможно, в чем-то он был и прав.

Надо отметить, что Службе безопасности МИД СССР тоже довелось принимать активное участие в работе по делу предателя Шевченко, но уже в городе Москве. Всю необходимую информацию по поводу его бегства и предшествовавшему тому периоду мы сразу же получали из Управления внешней контрразведки ПГУ КГБ СССР.

В тот давний вечер 31 марта 1978 года, накануне своего бегства, Аркадий Шевченко после ужина сидел в удобном кресле в просторной гостиной своих апартаментов в Нью-Йорке и просматривал вечерние газеты. Ленгина занималась какими-то домашними делами. Откуда-то из глубины комнат приглушенно звучала спокойная музыка. Казалось, все было тихо, мирно и обыденно. А в действительности он, не вникая в суть читаемого, лихорадочно обдумывал только что полученную от приехавшего из Москвы своего давнего приятеля С. информацию о повышенном интересе к нему со стороны центрального аппарата КГБ и о разоблачении в Управлении по планированию внешнеполитических мероприятий МИД СССР агента ЦРУ США Александра

Огородника, о чем знал только узкий круг руководящих работников из секретного приказа по министерству. Ему стало также известно и то, что в ближайшее время будет принято решение о его немедленном возвращении в Москву.

Шевченко лихорадочно перебирал в уме все возможные причины своего столь поспешного отъезда. Он не исключал, что КГБ стало известно, что Ленгина, дружившая с Лидией Дмитриевной Громыко, давно занималась спекуляцией. Она покупала в Нью-Йорке женские меховые изделия и антикварные вещи, привозила их сама, а чаще пересылала через других жене министра для последующей перепродажи в Москве по основательно завышенным ценам. Дипломат не раз предостерегал по этому поводу свою взбалмошную и потерявшую чувство меры жену. Но та, не наделенная большим умом, и слышать ни о чем не хотела.

Она была абсолютно уверена в том, что все без исключения жены наживаются на командировках своих мужей за границу. Переубедить ее было совершенно невозможно, а определенные неприятности в этой связи и упреки, но не более того, можно было ожидать в любое время. Ему уже хватало и того, что сам был не безгрешен во многих отношениях.

Но эта версия как-то не вязалась с его положением и покровительством со стороны министра и члена Политбюро А. Громыко. Он уже более двух лет сотрудничал с ЦРУ США, и причина была, скорее всего, именно в этом. КГБ, возможно, что-то пронюхал через своих людей в американских спецслужбах о его подозрительных контактах. Он впервые в жизни, будучи в совершенно трезвом состоянии, ощутил настоящий страх. Ведь в этом случае министр за него уже не заступник. А что полагается за содеянное, он знал совершенно точно. По этому вопросу у него уже давно были разговоры с сотрудниками ЦРУ, но каждый раз они успокаивали его и уговаривали не торопиться с принятием решения об обращении к властям с просьбой о предоставлении ему политического убежища. Особенно настораживал предстоящий отъезд в Москву. Сегодня он уже договорился об экстренной встрече со своими «партнерами» на находившейся в этом же доме конспиративной квартире.

Когда Ленгина уже спала, он неожиданно встал и вышел из квартиры. Быстро сбежал по лестнице с двадцать шестого этажа на три пролета вниз и вошел в конспиративную квартиру. Здесь он сказал поджидавшим его сотрудникам ЦРУ, что, видимо, серьезно засветился, попал в поле зрения КГБ и в ближайшее время будет отозван в Москву. Он был до крайности испуган и близок к истерике. После бурной дискуссии он вновь вернулся в свою квартиру, а через несколько минут возвратился с дорожной сумкой. В сопровождении двух сотрудников управления он вышел к поджидавшей внизу автомашине, которая стрелой вылетела из Манхэттена.

В коттедже, куда его привезли, спать так и не пришлось. Все понимали, что исчезновение известного дипломата вызовет огромную сенсацию в средствах массовой информации и побудит советское представительство при ООН официально потребовать принятия срочных мер по его розыску.

На следующий день, увидев рано утром, что мужа дома нет, и убедившись несколько позже, что на работу он не явился, Ленгина, обеспокоенная его исчезновением, поставила в известность об этом сотрудников советского представительства при ООН. В то же утро Шевченко позвонил домой, но, услышав незнакомый голос, повесил трубку.

Об исчезновении Аркадия Шевченко немедленно информировали Министерство иностранных дел СССР. Аналогичное сообщение поступило и в Комитет государственной безопасности. Естественно, что необходимые сведения были получены также руководством Второго главного управления, а затем и Службой безопасности МИД.

Как было положено в таких случаях, во избежание «провокаций со стороны американских спецслужб, возможно, похитивших советского дипломата», Ленгину Шевченко очередным рейсом «Аэрофлота» в спешном порядке отправили в Москву. Вместе с ней из Нью-Йорка по окончании командировки вылетел и уже упоминавшийся руководящий работник МИД и приятель А. Шевченко — С. Во время полета он сидел рядом с Ленгиной, и они о чем-то долго разговаривали.

Одновременно по тем же причинам через руководство МИД из Швейцарии был срочно отозван под благовидным предлогом работавшим там сын Шевченко Геннадий.

Тем временем в нашей прессе было опубликовано официальное сообщение, что «жертвой происков американских спецслужб стал аккредитованный при ООН советский дипломат А. Шевченко» и что наши компетентные органы принимают меры по его освобождению.

И действительно, в Манхэттене с ним встречались посол СССР в США А. Ф. Добрынин и советский представитель в ООН О. А. Трояновский. Но все переговоры закончились безрезультатно: кроме взаимных оскорблений, там ничего не было.

По прибытии в Москву Ленгина сразу же попыталась встретиться с Лидией Дмитриевной Громыко и даже с самим министром, поскольку была не без оснований абсолютно уверена в его личных симпатиях к ней. Однако ни та, ни другая встречи не состоялись: она практически встретила глухую стену отчуждения. То же самое случилось и с ее попытками связаться с другими руководящими работниками министерства, с которыми она была хорошо знакома.

Вскоре ей стало известно, что кто-то из руководства Управления делами Совмина распорядился об откреплении ее семьи от правительственной поликлиники 4-го Управления Минздрава СССР и закрытого распределителя в гастрономе номер 1 (Елисейском магазине).

В связи с укреплявшимися с каждым днем подозрениями, что Шевченко изменил Родине, а затем уже на основании появившихся в американской печати сведений о том, что он официально попросил в США политического убежища, с санкции прокурора, выданной ввиду заведенного на Шевченко уголовного дела, на его квартире на Фрунзенской набережной с участием понятых был произведен обыск в расчете на то, что следственные

органы КГБ смогут таким образом получить дополнительные интересующие их факты и материалы.

Квартира, по тем временам довольно большая, состояла из четырех комнат общей жилой площадью 120 квадратных метров. В доме имелась богатая библиотека, значительную часть которой составляли многочисленные подписные издания. Поражало обилие предметов антиквариата и прочих того же рода вещей, таких, например, как тончайшей работы беломраморный бюст французского императора Наполеона или панно из полудрагоценных камней западного производства. По всей видимости, они достались семье от тещи Аркадия Шевченко Анны Ксаверьевны, муж которой длительное время работал в какой-то советской организации в Австрии, связанной с учетом и реализацией трофейного имущества после разгрома фашистской Германии.

Одна из комнат была почти полностью заставлена набитыми до отказа чемоданами с привезенным в разное время из-за границы «тряпьем». В спальне во встроенном в стену большом шкафу висело десять-двенадцать различных дубленок и штабелем лежали картонные коробки с женскими сапогами и другой обувью. Холодильник и шкафы на кухне были набиты дефицитными в то время импортными продуктами.

Как и следовало ожидать, ни обыск, ни беседы с членами семьи каких-либо заслуживающих оперативного внимания результатов не дали. Но формальность, однако, была соблюдена. Обращение с членами семьи было исключительно вежливым и столь же корректным. Аналогично вели себя по отношению к нашим сотрудникам жена, теща и сын Аркадия Шевченко. Исключением, пожалуй, являлась только шестнадцатилетняя дочь, которая проявляла довольно негативное отношение ко всему происходящему.

Вполне можно было понять состояние Ленгины Шевченко, которая в полной мере начала понимать, в какой трагической ситуации оказались она и ее дети. И все это после многолетней беспечной и богатой различного рода событиями и впечатлениями жизни, в которой все свершалось как по мановению волшебной палочки!

Обстановка осложнялась еще и тем, что сын Геннадий был уволен из МИД. Вскоре после этого от него ушла жена, и ее родители порвали с ними всякие отношения.

Объяснить их поведение было нетрудно. Состоять в родственных отношениях с семьей изменника Родины, каким стал отец Геннадия, не сулило ничего хорошего ни в личной жизни, ни в делах служебных, хотя теоретически и принято считать, что сын за отца не ответчик. Слишком свежи были в памяти времена сталинских репрессий.

Если говорить о прошлом, то родители Геннадия в свое время без особого восторга узнали о его намерении жениться на дочери полковника, служившего где-то на периферии в системе ПВО страны. Попытки отговорить его от этого столь непрестижного в их понимании брака не увенчались успехом, они вынуждены были дать согласие, и свадьба состоялась. Вскоре, правда, сват то ли благодаря его личным качествам, то ли по другим неизвестным нам причинам был продвинул по службе, оказался в Московском военном

округе, получил квартиру в столице и через некоторое время удостоился чина генерал-майора.

Родители были в какой-то степени удовлетворены этим. Во всяком случае, это все-таки генерал, а не какой-то полковник, да еще из глубинки!

Не видя выхода из сложившейся ситуации, будучи совершенно не приспособленной к преодолению трудностей и не имея к тому же сил пережить все случившееся, Ленгина приняла решение покончить жизнь самоубийством. Мать всячески отговаривала ее от этого, но та оставалась непреклонной. Не подействовал на нее и довод о том, что она тем самым еще больше осложнит ситуацию, в которой оказались ее престарелая мать и дети. О высказанном намерении дочери Анна Ксаверьевна нас по непонятной причине в известность не поставила.

Через два-три дня после первомайских праздников Анна Ксаверьевна сообщила по телефону нашему сотруднику В. В. Молодцову, который поддерживал контакт с членами семьи Шевченко, что Ленгина исчезла, оставив на столе в гостиной адресованную дочери записку, начинавшуюся со слов: «Дорогой Анюттик!.. Я не могла поступить иначе... Врачи тебе все объяснят... Жаль, что мама не позволила мне умереть дома...»

В связи с поступившим сигналом Анне Ксаверьевне было рекомендовано, как полагается в таких случаях, официально сообщить о случившемся в районное отделение милиции по месту жительства. Через некоторое время оттуда на квартиру прибыл сотрудник, бегло осмотрел ее и составил соответствующий протокол. К поиску пропавшей подключилась и Служба безопасности. Следует признать, что упоминание в записке: «Жаль, что мама не позволила мне умереть дома...» — сразу же направило нас по ложному следу. Кому-то из молодых оперативных работников пришла в голову мысль: а не утопилась ли она в Москве-реке? На что я полушутя-полусерьезно ответил, что она, по моим представлениям, в такое время года в холодную воду ни при каких обстоятельствах не полезет, а искать ее следует там, где достаточно тепло и сухо: в подвалах, на чердаке и в тому подобных местах.

Близился День Победы, и я с вполне спокойной совестью с разрешения начальства на выходные дни отправился с сыновьями на машине на наше излюбленное место — на реку Протву в Калужской области, благо от Москвы она находится примерно в 120 километрах.

На следующий день, а это было уже 9 мая, к нам присоединился один из родственников, приехавший на своей машине из Москвы. Он-то и сообщил мне, что от моей жены ему известно, что меня срочно по неотложному делу ждут в отделе. Пришлось, как говорится, сматывать удочки. Через два часа, благодаря сравнительно раннему времени, хорошей дороге и почти полному отсутствию на трассе транспортных средств, я был уже дома и от дежурного по отделу узнал, что труп Ленгины Шевченко был обнаружен по запаху ее сыном во встроенном в стену спальни шкафу. В свое время никто не обратил внимания на пустую белую кружку на столике перед зеркалом, стоявшем напротив шкафа в несколько непривычном для такого предмета месте. К тому же все были уверены — ведь об этом говорилось в записке, — что самоубийство должно было состояться за пределами

квартиры, и не учли, что обстоятельства изменились: бабушка вместе с внучкой перебрались на время в другой район города, где проживали у своих дальних родственников.

Когда я прибыл на Фрунзенскую набережную, труп Ленгины был уже доставлен в морг. Произошло же следующее: Ленгина, налив в кружку на кухне немного воды, прошла в спальню, вскрыла там несколько упаковок со снотворным, в которых находилось в общей сложности примерно от шестидесяти до восьмидесяти таблеток, приняла их, запив водой, кружку поставила на столик, а коробочки положила в карман надетого на нее шелкового халатика. Очень быстро почувствовав дурноту, она отпрянула к шкафу, дверцы которого были открыты настежь. Будучи довольно миниатюрной комплекции, она, падая, раздвинула висевшие там дубленки и привалилась к задней стенке, а задетые при падении коробки с обувью, сложенные с правой стороны, обрушившись, закрыли ей ноги. Дверцы шкафа тотчас же почти полностью самопроизвольно прикрылись. По мнению специалистов, даже если бы она обратилась в это время за помощью в Институт скорой помощи, спасти ее уже не удалось бы.

Позже, когда я просматривал ее письма и нечто похожее на дневниковые записи, у меня сложилось более полное впечатление о ней как о личности. Большим умом она не блистала, но была в этом смысле не без претензий. При разборе ее «архивов» было обращено внимание на выписанные на отдельных клочках бумаги афоризмы и изречения отечественных и зарубежных авторов, заимствованные ею, скорее всего, из книги В. Л. Воронцова «Симфония разума». По единодушному мнению, изречения древних и более поздних философов и других выдающихся лиц, вероятно, использовались Ленгиной на различного рода приемах для того, чтобы произвести соответствующее впечатление и удивить окружающих своей необыкновенной образованностью, а точнее — пустить пыль в глаза!

Похоронили ее на Троекуровском кладбище, где присутствовали немногочисленные родственники покойной. По долгу службы был там и наш «полномочный представитель» В. В. Молодцов. Не лишенный чувства юмора, он рассказывал нам потом, как теща А. Шевченко Анна Ксаверьевна в порыве наигранного негодования, картинно обращаясь к нему, кричала: «Владимир Владимирович, дайте мне револьвер! Я застрелю этого негодяя! Это он убил мою дочь!..» Огнестрельного оружия у него в тот момент, естественно, не было, да и представлял он себе смутно, как можно было бы сделать это на таком большом расстоянии, не промахнувшись!

Мы рассчитывали, что на этом все наши заботы-хлопоты пойдут на убыль, но не тут-то было!

Несовершеннолетняя, но физически уже вполне сформировавшаяся дочь Шевченко оказалась совершенно неуправляемой. К бабушке ничего, кроме чувства неприязни, она не испытывала. Геннадий ею в расчет не принимался. Несколько лучше были ее отношения с одной из своих теток. Связавшись с какой-то шпаной и наркоманами, она частенько приходила ночью домой в не совсем трезвом виде. Однажды поздно вечером у самых дверей квартиры неизвестный снял с нее импортные джинсы (в то время весьма

дефицитные) и скрылся. Были получены также сведения об интересе к квартире семьи Шевченко со стороны уголовного элемента.

В этой связи мне было поручено в присутствии упомянутой выше ее тетки, как требовал того Уголовно-процессуальный кодекс, провести с ней беседу профилактически-воспитательного характера. Эта встреча по каким-то неизвестным мне причинам была организована в одном из помещений приемной Московского управления КГБ на Сретенке. Я был заранее предупрежден об этом и в назначенное время прибыл туда. Обстановка для беседы была вполне благоприятной. Однако, несмотря на предложенный ей миролюбивый и спокойный тон разговора, в котором принимала участие и ее родственница, она вела себя дерзко, несколько раз вскакивала со стула и выбегала в коридор, откуда ее неизменно вежливо возвращал обратно находившийся там молодой, симпатичный прапорщик. Девушка действительно была взбалмошным, не признававшим ничего существом. Не помню уж, к какому соглашению мы с большим трудом пришли в результате проведенной беседы, но мне было совершенно ясно, что этот «ребенок» еще доставит немало хлопот своим родственникам и вообще всем окружающим.

Непросто обстояло дело и с Геннадием. Как уже говорилось, после увольнения из МИД встал вопрос о его трудоустройстве. Добровольно принять на работу сына изменника Родины никто не соглашался: речь в данном случае идет о так называемых внешнеполитических институтах и других подобного рода учреждениях. После целого ряда длительных переговоров, которые вело руководство Главного управления с руководителями некоторых институтов, отлично понимавшими, в свою очередь, что в любом случае «протеже» органов госбезопасности будет невыездным и в каком-то смысле обузой, было принято единственно правильное в сложившихся условиях решение об изменении в интересах Геннадия его фамилии и некоторых установочных данных и выдаче ему по согласованию с соответствующими инстанциями новых документов.

Вскоре руководством главка мне было предложено связаться по телефону и договориться о встрече с директором Института государства и права АН СССР, известным советским юристом и ученым В. Н. Кудрявцевым. В тот же день я позвонил ему по телефону кремлевской связи, и мы договорились о встрече.

Владимир Николаевич приветливо встретил меня в своем рабочем кабинете в старинном особняке в самом центре города. В общих чертах он уже был в курсе дела. В. Н. Кудрявцев внимательно выслушал меня и после детального обсуждения всех формальностей юридического характера дал свое согласие на оформление Геннадия уже с новой его фамилией на работу в институт. По окончании беседы он любезно показал мне свою научную библиотеку и, как юристу по образованию, подарил на память несколько брошюр по вопросам уголовного права и криминологии, автором которых он является. Я и по сей день сохранил в своей памяти воспоминание о встрече с этим обаятельным, мудрым и интеллигентным человеком.

Таким образом решился вопрос с сыном А. Шевченко, предавшего не только Отечество, но и свою семью.

О Геннадии Шевченко я случайно услышал много лет спустя, когда в одном из своих интервью кому-то из наших корреспондентов он пытался внушить ему мысль о том, что его отец в действительности был убежденным борцом с существовавшим в то время в нашей стране политическим режимом, во что даже сейчас поверить очень трудно! О том, что отец был, как говорится, с двойным дном, Геннадий вполне мог догадываться еще в прошлом. Мимо него не могли пройти без внимания советы родителя никогда не говорить о серьезных вещах в помещении, быть осторожным при пользовании домашним телефоном, а в необходимых случаях использовать для этих целей телефоны-автоматы. Отец неоднократно говорил ему об этом во время периодических прогулок в вечернее время по Фрунзенской набережной Москвы-реки. Невозможно было не задуматься над вопросом: что было необходимо скрывать честному человеку, ответственному работнику Министерства иностранных дел, а также начинающему дипломату? Отцу же еще до того, как он встал на путь предательства, часто и многое приходилось скрывать от своих сослуживцев и тем более от жены!

Было бы несправедливым односторонне утверждать, что все мы обладали только положительными качествами и не делали ошибок и просчетов. Ни для кого не секрет, что даже из добрых побуждений можно совершить грубые ошибки, способные осложнить жизнь многих людей, которые этого совсем не заслужили.

В этом отношении характерна следующая выдержка из книги бывшего заместителя председателя КГБ СССР генерала армии Филиппа Денисовича Бобкова «КГБ и власть» (М.: Ветеран МП, 1995): «На моей памяти был случай: женщина, преподававшая в одном из вузов Москвы, встречалась с разоблаченным впоследствии агентом американских спецслужб Огородником, и, хотя следствие не обнаружило никакой ее вины, выезд за границу был закрыт, и ей запретили работать в качестве переводчика с иностранными делегациями. В общем, настрадалась она немало и однажды написала письмо в КГБ с просьбой не распространять ограничений на сына. „Сын-то тут при чем!“ — подумал я и предложил генералу Маркелову[18] внимательно отнестись к просьбе. Он принял ее, и вопрос решился положительно. А некоторое время спустя она вновь обращается к нам с той же просьбой. Оказывается, наш сотрудник, вопреки данному указанию, все-таки намекнул отделу кадров, который занимался трудоустройством сына, что мать оформляемого на работу молодого специалиста не без греха. Конечно, работник поступил нечестно, но он привык к доносам, считал, что действует по инструкции и бдительность в таких делах никогда не бывает лишней».

С мнением уважаемого Филиппа Денисовича нельзя не согласиться: сын действительно не должен страдать из-за того, что его мать была «не без греха». В памяти народной еще сохранились совсем недалекие времена, когда такого рода вопросы решались диаметрально противоположным образом. Причем открыто говорилось почти то же самое, а делалось совершенно другое. Еще во время моей учебы в Свердловском юридическом институте к нам в комитет ВЛКСМ из отдела кадров поступил список студентов-выпускников, в отношении которых имелись компрометирующие материалы. Как сейчас помню некоторые из них: родители раскулачивались, дед имел рыбную лавку, другой дед — крестьянин — облагался твердым заданием, брат отбывал наказание за хулиганство, из лагеря бежал и пропал без вести в начале войны, отец был в прошлом судим по статье 58

(10) «Антисоветская агитация» (в то время это могло быть любое высказанное несогласие с политикой партии и правительства). Из 220 студентов около восьмидесяти за сокрытие этих сведений было оставлено без распределения. Не думаю, что это объяснялось только спецификой института: ведь, кроме прокуроров и судей, были еще нотариусы, юрисконсульты, адвокаты, судебные исполнители и так далее.

Однако вернемся к делу. Со своей стороны я не без основания полагаю, что в книге Ф. Д. Бобкова речь идет об уже упоминавшейся близкой связи Огородника по учебе в МГИМО Анне Колотовой, которая по неизвестным причинам не пожелала оказать нам помощь в работе по его изучению и разоблачению как агента американской разведки, нанесшего нашей стране столь ощутимый ущерб. И как знать, может быть, займи она совершенно другую позицию, мы смогли бы разоблачить его значительно раньше и не только сократить таким образом размеры причиненного нам вреда, но и сохранить жизнь ни в чем не повинной Ольги Серовой, отравленной Огородником много позже из опасения быть разоблаченным.

Но в истории, как известно, сослагательного наклонения не бывает. Очень прискорбно, однако, что у нас есть еще немало людей, подобных Анне Колотовой, которые очень хорошо знают свои права, нередко забывая в то же время о своих обязанностях — в данном случае об обязанностях гражданина. Лично у меня такие люди никаких симпатий не вызывают, если не сказать большего.